

Я долго полагал, что современный российский кинематограф после длительной демонстрации шокирующих экранных и заэкранных действий удивить меня уже не способен. Ошибался. Оказалось, что у этого многоликого монстра с неважной творческой репутацией возможности доводить публику до изумления далеко не исчерпаны.

На минувшей неделе российский кинематограф, по меньшей мере, дважды дал повод для неприятного удивления. Обратимся к изложению событий в хронологической последовательности.

Эпизод первый

Начало положил кинофестиваль «Кинотавр»-2021, 32-й по счету. То, что он по обыкновению собрал фильмы, известные узкому кругу специалистов с широким взглядом на кино и прочие виды искусств, открытием не стало. Специально просмотрел список лент, которые в прошлые годы, с 2015-го по 2019-й, удостоились главных премий фестиваля. Шедевров среди них не обнаружилось. Впрочем, судите сами: «Про любовь», «Хороший мальчик», «Аритмия», «Сердце мира», «Бык».

О последней ленте умалчивает даже всезнающая Википедия. Другие фильмы как-то не сподобились ни широкого проката, ни зрительского признания. Я не исключаю, что победители и лауреаты «Кинотавра» входят в обиход шедевров российского авторского кино, игнорирующего пристрастия среднестатистического зрителя. И если фильмы снимаются на частные средства, то – широкая улица творческим поискам режиссеров, сценаристов и актеров, не желающих опускаться до вкусов и интересов толпы. Но сомнительно, что отечественный бизнес может и хочет оплачивать фильмы, не рассчитанные на коммерческий успех. Значит, финансово подпитывают авторские ленты федеральное Министерство культуры и регионы, способные отыскать средства на творческие эксперименты. И вот тут следует спросить у социума, а есть ли у него желание, как у налогоплательщика, оплачивать чьи-то игры в авторское кино?

И все-таки поразил меня не репертуар фестиваля, а председатель жюри «Кинотавра». В текущем году им стала Чулпан Хаматова. Да, та самая народная артистка РФ, лауреат двух Государственных премий, которая недавно картонно изображала Зулейху,

открывающую глаза, а потом, вероятно, обидевшись на критику (следует признать, очень злую) и за эту роль, и за другие неоднозначные сценические персонажи, сделала несколько откровенно антироссийских заявлений.

Обо всех из них напоминать не стану, ограничусь лишь спичем актрисы, который имеет к нашему разговору непосредственное отношение. Засобиравшись на ПМЖ в Латвию, Чулпан Хаматова решила громко хлопнуть дверью, заявив «многие талантливые люди вынуждены были туда выехать, не имея возможности здесь (в России) элементарно расти в собственной профессии или как-то в ней состояться».

Согласие актрисы возглавить жюри «Кинотавра», понимает сама она это или нет, однозначно воспринимается попыткой дезавуировать опрометчиво вырвавшуюся оценку возможностей творческого роста в России. Если взялась судить кинофестиваль, значит, признает наличие в стране, в отечественном кинематографе художественного процесса, достойного внимания Чулпан Хаматовой и ее коллег.

На самом «Кинотавре» от нее последовал очередной пассаж. Актриса, приступая к председательским обязанностям, изволила пошутить: «Мы будем жюрировать максимально субъективно, и, надеюсь, это никак не отразится на вашем хорошем настроении». Казус Хаматовой, возможно, и списали бы на волнение актрисы, на хрупкие плечи которой легла высокая ответственность. Но в фестивальном списке значится лента «День мертвых». Ее снял непосредственный руководитель Хаматовой Виктор Рыжаков – худрук «Современника» – театра, в котором Чулпан Наилевна служит более двух десятилетий. При таком раскладе обещание жюрировать «субъективно» уже не воспринималось шуткой. Видимо, кто-то из состава высоких кинематографических судей председателю двойной смысл подобных заявлений объяснил.

Во всяком случае, Виктор Рыжаков, чья творческая карьера начиналась на Камчатке, где с 1995 по 2001 год работал художественным руководителем театра драмы и комедии, особых лавров на «Кинотавре» не снискал. Видимо, даже там его художественные эксперименты не нашли своего ценителя.

Главный приз фестиваля присудили фильму «Море волнуется раз» Николая Хомерики. Приз зрительских симпатий при отсутствии на «Кинотавре» из-за коронавируса зрителей вручили ленте Наташи Меркуловой и Алексея Чупова «Капитан Волконогов бежал» – очередному варианту взгляда либеральной интеллигенции на тему

сталинских репрессий с акцентом на мистику. Как признаются создатели фильма, он «основан на вымышленных событиях». Как сюжет может основываться на вымышленных событиях

пусть объяснит автор сей уникальной формулировки. У него не хватило смелости напрямую сказать, что фильм с первого до последнего кадра является плодом творческой фантазии создателей ленты.

Но вот сама Чулпан Хаматова продолжает отважно бичевать пороки современной России, тем более, если знаешь, что никаких последствий «высокий порыв» не влечет. Ну, может быть, третью госпремию выпишут. Завершая национальный фестиваль, организованный на бюджетные средства, актриса не упустила возможности швырнуть словесный булыжник в адрес все того же государства, выразив озабоченность ситуацией «с молодыми артистами, которым привиделось, что они живут в свободной стране».

Эпизод второй

Фильм, о котором пойдет речь ниже, в отличие от лент «Кинотавра», на широкий экран пробился. Правда, изначально не возникало сомнений в равнодушии к нему со стороны широкого зрителя и, соответственно, кассовом провале, что и подтвердили первые четыре дня проката. Собрано всего 3,7 миллиона рублей. А потратил режиссер Глеб Панфилов на тяжелые и продолжительные съемки фильма, начатые в 2018 году, 170 миллионов.

Как нетрудно догадаться, лента снята по мотивам повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Неизвестно, как бы сам покойный автор отнесся к сценарным вольностям с его произведением, но вдова и душеприказчик писателя сюжетные и в полном смысле идеологические изменения повести одобрила.

Прежде чем вернуться к самому фильму, требуется сказать несколько слов о его литературной основе. На мой взгляд, «Один день...» лучшее, что вышло из-под пера Александра Исаевича. Стилистически повесть радикально отличается от того, что

впоследствии издавал писатель. Возможно, над произведением хорошо поработали профессиональные редакторы журнала «Новый мир», в котором «Один день...» после ходатайства Александра Твардовского перед Никитой Хрущевым удалось опубликовать в 1962 году.

В последующем над произведениями Александра Исаевича также плотно работали редакторы, но, вероятно, не такие талантливые, как в журнале Твардовского. О чем и признавался посол США в Советском Союзе в 1969–1973 годах Джейкоб Дидли Бим, кстати, прекрасно владевший русским языком:

«Первые варианты его рукописей были объемистой, многоречивой сырой массой, которую нужно было организовать в понятное целое... они изобиловали вульгаризмами и непонятными местами. Их нужно было редактировать, и мы приставили к этому очень важному для нас делу соответствующих людей из спецслужб».

Повесть Александра Солженицына рассказывает об одном дне рядового заключенного сталинских лагерей Ивана Денисовича Шухова. В оригинальном произведении – крестьянина, в фильме уже старшего сержанта, командира противотанкового орудия, который попал в лагерь после того, как бежал из гитлеровского плена.

История осуждения Ивана Шухова в кинематографическом варианте весьма любопытна с точки зрения оценки способности логично мыслить режиссера и сценариста фильма.

Вначале старший сержант попадает к гитлеровцам в плен. Из концлагеря его вместе с другими советскими бойцами отправляют на разминирование дороги, откуда Иван Шухов и бежит. Немецкая охрана спокойно наблюдает за тем, как военнопленный покидает их по минному полю. Подобный сюжет обыгрывался в советском кинематографе в фильме Евгения Матвеева «Любовь земная». Но там очевидны и трагизм ситуации, и цена, которую заплатили советские бойцы за побег по минному полю.

В ленте Глеба Панфилова, подобно многим другим современным российским фильмам, попытка показать трагедию оборачивается фарсом, почти как в анекдоте: что ни снимают – все равно комедия получается.

Немцы вслед убегающему Шухову не стреляют, полагаясь, что он на минах подорвется. Но не так прост старший сержант. По минному полю его ведет ангел-хранитель в образе девочки. Оказавшись на советской территории, Шухов рассказывает о своем чудесном спасении сотрудникам особого отдела. Они Ивану Денисовичу не верят, и бывший старший сержант получает десять лет исправительно-трудовых лагерей за сотрудничество с гитлеровцами. Контрразведчики, конечно же, полные идиоты. Они не понимают, что с такими легендами Абвер и СД агентов за линию фронта не перебрасывают.

В реальности после такого рассказа – прямая дорога бедолаги к докторам, на предмет освидетельствования психического состояния. Но, что более вероятно, подобно абсолютному большинству бойцов и младших командиров, бежавших и освобожденных из плена, отправился бы Иван Шухов, который, напомним, имел предельно востребованную в войсках военную профессию командира противотанкового орудия, в действующую армию. Кто не верит – посмотрите статистику прохождения рядовым и сержантским составом фильтрационных мероприятий НКВД – НКГБ и органов Смерш Наркомата обороны. Нет прямых свидетельств сотрудничества бойца с гитлеровцами и их союзниками – в войска, в худшем случае – в штрафную роту.

Такой ситуацией, кстати, очень активно пользовались настоящие коллаборационисты. Их советские и российские органы безопасности продолжали выявлять вплоть до начала нашего века. Военные преступления срока давности не имеют.

Иной формат фильтрационных мероприятий предусматривался для офицеров. Им требовалось доказать, что они не сдались в плен добровольно. Поэтому среди них и совсем другой процент успешно прошедших фильтрационные мероприятия.

Но вернемся из истории реальной в историю киношную, а именно в сталинский лагерь, заключенные которого ведут строительство некоего космического объекта. Находиться здесь Ивану Шухову, согласно приговору, остается десять дней. Исполнитель главной роли Филипп Янковский выглядит новичком на зоне, которого десять лет в заключении тамошним порядкам не научили, и это при том условии, что лагерная администрация в киношной реальности предельно озабочена не выполнением планов строительства, а задачей затравить зеков в максимальном количестве. Странно и то, что носит лагерное начальство знаки различия не тюремного ведомства, а органов безопасности.

Скажу честно, смотреть дальше эту тягомотину, скроенную по устойчивому лекалу, которое требует неперемного присутствия на экране «героя своего времени», тупого, но кровожадного чекиста, лагерных изуверов, не смог. В фильме все до предела очевидно и предсказуемо. Акцентированное внимания авторов ленты на семье Шухова явно говорит о том, что кто-то, дети или жена, а то и все вместе не дождутся отца и мужа. То ли они скончаются, то ли Иван Денисович колонии не покинет. При том условии, что фильм снимался очень долго, во всем видна торопливость, поверхностность.

Даже к бутафорским лагерным баракам не потрудились печных труб приладить. Остается надеяться, что советская власть обеспечила заключенных в 1952 году централизованным отоплением.

Глеб Панфилов сегодня считается мэтром российского кино. Правда, расцвет его творчества пришелся на советский период. Лучшим фильмом режиссера считается лента «В огне брода нет», ставшая его дебютом после перехода из отдела агитации и пропаганды Свердловского горкома ВЛКСМ в кинематограф. Лента посвящена событиям Гражданской войны.

Среди картин российского периода выделяют достаточно тенденциозный фильм «Романовы. Венценосная семья», как и многие другие фильмы режиссера, не понятый широким зрителем.

К творчеству Александра Солженицына Глеб Панфилов обращается не впервые. В 2006 году вышел мини-сериал по роману «В круге первом». Фильм тепло приняла кинотусовка, отметившая ленту премией «Ника» за лучший телевизионный фильм, но рейтинги его оказались невысоки, поэтому лента сегодня редко гостит на цветных экранах российского ТВ. Тогда неудачу экранизации Солженицына объясняли сжатыми сроками съемок и недостатком средств. Провал «Ивана Денисовича» этими причинами не объяснишь. Время и денег для работы над фильмом у режиссера хватало.

Казалось бы, предыдущий кинематографический опыт должен был подсказать автору, что современный зритель уже не терпит идеологических шаблонов, которые его устраивали еще десятилетие назад. В фильмах, обращенных к трагическим страницам

нашей истории, требуется не поверхностный обличительный накал, и уж никак не примитивное шаржирование, а глубокий анализ.

На примерах «Ивана Денисовича», лауреата «Кинотавра» «Капитан Волконогов бежал» в очередной раз убеждаешься, что художественная несостоятельность не только не компенсируется высокими идеалами, декларируемыми произведением искусства, но и дискредитирует их, убеждает в обратном. Благодаря образчикам кино, театра, публицистики с гротескным, шаржированным изображением реальности, уже громадный социальный пласт россиян начинает считать политические репрессии конца 30-х годов пропагандистской выдумкой. Растет популярность Иосифа Сталина. Если этого современная отечественная культура добивается, то она идет правильным путем.

Вместо послесловия

В 1938 году почти одновременно в Западной и Восточной Европе завершились съемки двух фильмов, которые до сих считаются классикой и шедеврами мирового кинематографа. Во Франции вышла на экраны лента Марселя Карне «Набережная туманов», в Советском Союзе – «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна. Первый фильм, пропитанный вселенской тоской и безнадежностью, в Четвертой республике осудили как произведение, подорвавшее у французов желание сопротивляться оккупантам в 1940 году. Вторая лента, прославлявшая силу духа защитников Отечества, звавшая, несмотря на все различия, к единению в годы фашистского вторжения в нашу страну, стала настоящим оружием в борьбе против захватчиков.

И как вы считаете, уважаемые читатели, какое кино для России сегодня актуальнее?

Владимир СЛАБУКА